

Михалкова Надя

28.02.98

Татьяна Михалкова долго изумлялась моему вопросу "Будете ли присутствовать на интервью?": "Вы же хотели поговорить с Надей..."

Вошла. С рюкзачком и букетом (дедушке вечером, на спектакль). Волосы — два хвостика, большие карие глазищи. Раскована и стеснительна одновременно: "Вот, посмотрите мои фотографии. Ничего, что я буду с подружкой? Ну тогда давайте начнем..."

— Часто вам приходится интервью давать?

— Не-а (смеется). К папе часто подходят, и если я рядом нахожусь, то спрашивают. А так, чтобы один на один... Я привыкла с папой.

— Ну тогда рискнем один на один. Давайте начнем с первых съемок.

— Вообще самые первые? Это было давно. "От шести до восемнадцати", про Анну. Маленький кусочек. Я там с моей собакой Янеком, на даче.

А первая роль... Это такая грустная история — "Утомленные солнцем". Там, где папу избивают и увозят. Я еще совсем маленькая была, даже читать не умела. Когда я первый раз увидела фильм целиком, я потом с папой целую неделю не разговаривала. Потому что я не понимала, что это кино, и мне было очень жалко папу. Мне казалось, что я во всем этом участвовала и ничего не сделала, чтобы его спасти.

— Как вас успокоил папа после вашего недельного молчания?

— Конечно, я очень хотела с ним помириться. Но мне было очень грустно. Я очень много плакала и думала: как же я могла его так предать?

— А вы не ревновали его к Ингеборге Дапкунайте, которая по роли была вашей мамой?

— Нет. Я больше ревновала, когда к папе подходили какие-нибудь люди. Я не понимала, что он занят и не может все время уделять мне внимание. И когда он с кем-нибудь разговаривал, я сначала ходила вокруг него, а потом противостояла через людей. Но потом я уже с этим смирилась.

— Были ли какие-нибудь особенно трудные моменты на съемках? Все-таки вам было шесть лет.

— Я очень стеснялась. В сцене "на футбольных воротах" я называла Олега Меньшикова не так, как нужно было по фильму, а Олег. И заплакала. Потому что я очень застеснялась, и мне стало так стыдно! И еще в сцене, где мы в бане, я потеряла сознание. Съемки длились пять часов: мне мыли голову, потом споласкивали, потом снова мылили и снова споласкивали. Баня была по-настоящему натоплена, было очень жарко, а выходить было нельзя — потому что я могла простыть. Я потеряла сознание.

— Папа, наверное, сильно переживал?

— Да. Он постоянно звонил по радио — он не мог уйти, потому что уже все ломалось, все на героях были, я хотела спать, операторы, полураздетые, уже на последнем издыхании, ночь наступала, и нужно было успеть закончить сцену.

— Надя, как вы учили текст, не умея читать?

— Вот это я сейчас даже не представляю! Мне рассказывали какую-нибудь сцену и объясняли, что я должна говорить. И потом, в фильме я играла саму себя, девочку Надю. И я не представляла, конечно, что это снимается фильм, что люди будут его смотреть.

— Но сниматься мне было легко. Потому что папа был рядом. И потому, что очень много сцен — завтраки, игра в футбол по воскресеньям, — все это было у нас на даче. Сейчас, правда, папа очень занят: он снимает новую картину. Поэтому сейчас я папу долго не вижу. Но когда он приезжает на дачу, мы все собираемся, потому что папа — это праздник.

— Он ведь занят сейчас "Сибирским цирюльником", где вы тоже играете?

— Да, это очень большая, огромная картина. Из этой картины невозможно вырезать маленькие кусочки — либо целый кусок, либо ничего. Но фильм нужно сокращать — четыре часа невозможно же смотреть! — и у меня остался ма-аленький кусочек. Не то что в первом фильме.

— Пересматриваете "Утомленных солнцем"? Интересно, какие при этом возникают ощущения?

— Мне даже самой интересно пересматривать. Последний раз — где же это было? — на Капри, по-моему. Я смотрела этот фильм с дублем. И мне так стало смешно! На другом языке кто-то за меня говорит! Я даже папе сказала: "Пап, смотри, как я хорошо на другом языке говорю".

— Вам папа объяснял, в чем суть этого фильма?

— Нет. Я до сих пор толком не знаю о Сталине. Конечно, я читала о нем, но мы его в школе не изучаем. Вот... А в шесть лет я вообще о нем ничего не знала.

Сейчас я больше понимаю этот фильм. Чем больше я его смотрю, тем больше мне становится понятнее. Наверное, сейчас я смотрю его глазами взрослого, осмысленно.

— Надя, чем вам запомнился "Оскар"?

— (Задумывается.) Канвы запомнились лестницей — потому что там был самый быстрый проход, там все стояли, фотографировались, такая толпа была! А "Оскар" длился несколько часов, по-нашему уже было 6 утра, я очень устала, спать хотела. А потом мы вышли за кулисы, и я начала прыгать — я так была счастлива за папу!

— Вы понимали, что это за церемония?

— Да, я понимала, что это самая большая награда.

— Папин жест — когда он вас хватает рукой и сажает на шею — это жест из жизни?

— Папа всегда, когда мы с ним встречаемся, так делает. Он со всеми с нами, с детьми, возится: через голову перебрасывает, вверх подбрасывает. Это да, это было всегда. Но сейчас он уже не может поднять меня на одной руке — мне все-таки уже 11 лет, — мы с ним уже просто играем так, возвращаемся.

— После "Оскара" вы давали автографы первый раз?

— Ну-у... Мне еще рано давать автографы, нужно еще для этого вырасти. Ну да, я тогда давала автографы — плохо еще даже писала: "Надя Михалкова".

— Тяжело, наверно, даваются "взрослые" мероприятия: ночь, кругом люди, непонятные разговоры?

— Понимаю, я не стремлюсь быть взрослой. Я рада, что я ребенок. И я не стараюсь быть взрослой на этих мероприятиях. Мне вот интересно наблюдать за людьми, слушать, о чем они говорят. Мне кажется, что я начала понимать характеры людей. Когда тяжело становится, я иду в туалет и умываюсь холодной водой. Я знаю, что все эти мероприятия важны. Я с папой была даже на переговорах...

Однажды я чуть ли не год жила с папой в Па-

риже — он монтировал "Ургу", это было очень давно. Он сначала отдал меня в детский сад, и меня там мальчик укусил, а потом папа понял, что детский садик этот — не для меня, и стал оставлять одну в гостинице. Давал мне какое-нибудь задание: написать ровно букву на три страницы. У меня был игрушечный телефон, и я играла "в папу": сидела с телефоном, бумагами, писала букву, договаривалась по игрушечному телефону о встречах — изображала папу.

Татьяна Михалкова: "После ее возвращения из Парижа мы всей семьей собрались за столом. И в надежде, что она вовсю говорит на иностранном языке, попросили: "Наденька, скажи нам что-нибудь по-французски". И Надя сказала: "Three bottles of champagne!".

Татьяна Михалкова: "Она почти не снимается сейчас. Занята учебой. В последнее время были съемки в рекламе и несколько показов мод — ей нравится. Хотя папа, конечно, это не очень поощряет".

— Моя мама была манекенщицей. Сейчас она опять начала работать: у нее — свой фонд "Русский силуэт". И просто иногда она меня приглашает в показы. Но мне, конечно, больше нравится сниматься в кино. А показ — проходишь по подиуму несколько раз, и все. Конечно, для этого нужна стройная фигура, идеальная внешность. Но мне почему-то больше нравится кино.

— Папа не очень одобряет ваше участие в показах?

— Папа доверяет маме. Ну, просто папа хочет, чтобы я стала актрисой. Хотя и маме нравится, что я стану... стала... буду актрисой. Ой, я знаю, как сложится моя судьба. Может быть, все так перевернется, что я не стану никакой актрисой. Я не могу рассчитывать на родителей. Я должна все делать сама. Поэтому я хочу получить знания. А иначе я могла бы неходить в школу, не учить русский язык, могла бы не знать историю — зачем она мне нужна? Но мне это нужно. Я хочу и стараюсь. Потому что не знаю, что будет через две недели. И нужно иметь все с запасом, и нельзя надеяться только на близких.

— Балуют вас родители?

— Я думаю, что всех балуют родители. Ну кому не покупают конфет? Я думаю, что да, меня балуют. Но чтобы так, совсем уж, этого нет. Я не могу

КАК БОЛЬШАЯ

Надя Михалкова: "Я не могу рассчитывать только на родителей"

новые смотрят на подругу.)

— Ну, а книжки про любовь читаешь?

— Я сейчас читаю "Три мушкетера". Эта книжка для меня была немного сложная. Иногда я много не понимаю и перечитываю абзацы. Но вот так втянулась, что постоянно хожу с этой книгой. Даже с включенным телевизоре ее читаю.

— Вы, интересно, задумываетесь о своей семейной жизни? Ну, вот сколько детей хотели бы иметь?

— Мальчика и девочку. Я, конечно, думаю о семье. Например, когда мне бабушка говорит: "Погладь или уберись", и я ленюсь, а она спрашивает: "А как же ты будешь, когда замуж выйдешь? За тебя муж все делать будет?". Я тогда говорю: "А как же Аня?" — "А Аня за собой убирает, и потом, ей поздно об этом говорить".

— "А Тема?" — "А у Темы будет жена". И теперь меня гоняют по всему дому.

— Вы делитесь своими девичьими секретами с мамой и старшей сестрой?

— К маме я обращаюсь, когда есть какие-то большие проблемы. Потому что я знаю, что у мамы много работы, и стараюсь ее не беспокоить и не надеяться своими глупостями. А секретиками я с Аней делиюсь. У нас есть очень хорошие отношения — мы понимаем друг друга с полуслова. И Аня мне дает такие советы, девичьи, за которыми я не рискаю к маме подойти. У нас друг от друга нет секретов — полное взаимопонимание.

— А к папе я... У меня к нему полное доверие. Я ему рассказываю о всех своих проблемах. Например, спрашиваю, как помириться с человеком, с которым поссорился.

— Бывает, что папа вас ругает?

— Конечно, бывает. Когда я капризничаю — вот нужно куда-то идти, а я сижу и плачу. Он говорит: "Не плачь, быстренько выти слезы, и пошли. Потому что это надо". Или он меня ругает, когда я вру. Папа все равно узнает, что я говорю неправду. Он меня отругает, потом я буду ходить, у меня будет как бы камень на душе, потом я к нему подойду, сяду ему на колени и скажу: "Прости меня, пожалуйста..."

— Тяжело быть самой младшей в семье?

— Мне нравится быть младшей. Я могу сесть на руки. А вот Аня уже не может — она может только сесть рядом, голову положить.

Татьяна Михалкова: "Она папа очень помогает. Если она не в кадре, делает любую работу наравне со взрослыми. И даже сама бегает с хлопушкой. Ее детство проходит на съемочных площадках, на монтаже, озвучке — в какой бы стране ни работал Никита.".

— Вы чувствуете, когда папа нервничает на съемочной площадке?

— Я хорошо чувствую его настроение. Я даже сама начинаю волноваться, когда волнуется папа. Я знаю, что если что-то не так, папа будет расстроен, а я не хочу, чтобы он расстроился.

— Папа когда нервничает, он сосредоточивается. Вот он сидит с закрытыми глазами и думает. Я к нему подхожу, и он говорит: "Как мне тяжело!".

— Назовите вещи, которые вы любите. И которые терпеть не можете.

— Я люблю свою семью. И другую семью — друзью — это тоже семья. Люблю Пасху и Новый год. Дачу, природу и Москву. Кто знает, если бы я родилась не в Москве, кем бы я была?

— Я не люблю... (Задумывается.) Я не люблю, когда мне врут. Терпеть не могу. Меня папа так научил: всегда говорить правду. Я не люблю ссориться. Потом, я еще не люблю овощной суп. И еще когда на меня показывают пальцем или дружат только из-за того, что я дочь Михалкова:

"Ты разве сама подметаешь пол? Ты сама готовишь? Ты умеешь гладить?". Я этого не люблю. Потому что это значит, что меня недооценивают.

Моск. Комсомолец. —

1998.-18 февр.-с.2

И мне становится тоже тяжело. От одних этих слов мне становится просто не по себе. Я вообще такой человек, переживаю за других. Когда у кого-нибудь какие-то неприятности, горе. И поэтому я пытаюсь всегда помочь: если хлопушки нет, то я попытаюсь ее найти. Принести папе воды, как-то его поддержать.

— Насколько я поняла, вы очень самостоятельный ребенок...

— Да. Потому что мама работает, папа работает, бабушка у старенькая — ей 84 года, Аня и Тема — в институте. И поскольку дома никого нет, хожу сама в магазин, сама записываюсь на теннис. Мне самой даже нравится, что я такая самостоятельная. Как большая.

— Я даже слышала историю, как вы позвонили в "Останкино", сколотили команду, заказали микроавтобус и самостоятельно приняли участие в какой-то телегре.

— Я смотрела с подружкой телевизор, и там дали телефон игры. Я очень настойчивый человек, поэтому дозвонилась. В общем, собрала команду, заказала в "Три Тэ" автобус, и мы поехали в "Останкино". Я отнеслась к нашему мероприятию очень серьезно. Ведь у них, в "Останкино", тоже много дел, поэтому я понимала, что на мое лежит большая ответственность. Я такой человек — если мне говорят: "Позвони в 15.30", я позову именно в 15.30, потому что потом телефон будет занят, человек может уйти.

— Родители не удивляются такой самостоятельности?

— Понимаете... Вот, например, родительские собрания. У нас в семье трое детей, и мама столько лет на эти собрания ходила! И я просто понимаю, что ей тяжело каждый раз столько лет слышать одно и то же. Я понимаю и не обижусь. Поэтому я сама пытаюсь все уладить. Когда спрашивают: "Где твои родители?" — я говорю: "Они не могут прийти".

— Вы совсем ничего про дедушку не рассказываете. Ну, например, стихи его в детстве вам читали?

— Да. А в школе однажды я открыла учебник по русскому языку и увидела стихотворение с подписью "Михалков". Я была такая гордая! Русский язык! Ученик! Наша фамилия! У меня есть его книги, я их часто перечитываю, даже что-то пытаюсь выучить наизусть... А сегодня вот (показывает на бок) мы к нему идем на премьеру "36 и 5" в Театр Сац.

Татьяна Михалкова: "Однажды у них в школе был диктант — стихотворение Сергея Михалкова. Она много ошибок наделала. А вечером позвонила дедушке: "Ты бы в следующий раз что-нибудь попроще сочинил".

— Назовите вещи, которые вы любите. И которые терпеть не можете.

— Я люблю свою семью. И другую семью — друзью. Друзья — это тоже семья. Люблю Пасху и Новый год. Дачу, природу и Москву. Кто знает, если бы я родилась не в Москве, кем бы я была?

— Я не люблю... (Задумывается.) Я не люблю, когда мне врут. Терпеть не могу. Меня папа так научил: всегда говорить правду.